ДАНС МАКАБР

Ганс Гольбейн Мл., «Смерть помогает Адаму пахать», гравюра на дереве из цикла «Пляска смерти»

Автор:
Оксана Санжарова

Корона на челе моем, коса в моей деснице,
Для всех живущих на земле я грозная царица.
И нищие, и короли равны передо мною,
Не скрыться от моей руки за каменной стеною.

(«Пляска смерти», неизвестный итальянский автор XVI в. в свободном переводе М. Богдановой)

Осенью 1347 года в порт Мессина прибыли 12 генуэзских галер, привезя, если верить запискам францисканского монаха Микеле де Пьяцца, дорогие восточные товары и совершенно бесплатную чуму, так же полученную на Востоке. Когда это обнаружилось, корабли были высланы из Мессины и попытались вернуться в Геную, но были изгнаны с помощью зажженных стрел и катапульт. Часть их была допущена в марсельский порт – Марсель потеряет от чумы почти половину населения. К декабрю эпидемия достигла Сардинии, Корсики, Мальты…

От болезни не спасала ни молодость, ни богатство, ни талант, ни близость к Богу – от населения тогдашней папской резиденции в Авиньоне осталась едва ли треть.

Среди умерших были французская королева Жанна Бургундская и супруга дофина Франции Бонна Люксембургская, английская принцесса Иоанна, направлявшаяся к жениху – кастильскому принцу, великий итальянский скульптор Андреа Пизано, муза Петрарки – Лаура.

К 1349 году чума достигла Германии, к 1350-му – Польши, в 1353-м – вовсю гуляла в русских городах.

Флорентийца Боккаччо (у которого болезнь забрала отца и дочь) она подтолкнула к созданию «Декамерона» – сборника историй, которые рассказывают друг другу прекрасно образованные и богатые юноши и девушки, укрывшиеся от мора в загородном поместье.

А некий вюрцбургский доминиканец в то же время написал поэтический текст, позже переведенный с латыни на средневерхненемецкий язык. В этих стихах 24 персонажа – от римского папы до нищего калеки – вели краткие диалоги со Смертью, от которой не скроешься ни в поместье, ни во дворце, ни в чертогах разума:

Как бы ни жил ты, все равно
Смерть явится забрать свое.
Под флейты вой она грядет,
Всех увлекая в хоровод,
И дурака, и мудреца,
Что бы плясали без конца.

Конечно, этот текст возник не на пустом месте – ему предшествовала куда более старая «Легенда о трех живых и трех мертвецах», в которой три знатных юноши встречают трех мертвецов, пугающих их грядущим тленом и безобразием.

Хотя, вероятно, еще больше повлияла на «Вюрцбургскую пляску» элегия XIII века «Я умру» с ее 34-мя предсмертными жалобами, произнесенными самыми разными людьми – от римского папы до прекрасного юноши:

К смерти иду я, прекрасен лицом.
Красу и убранство
Смерть без пощады сотрет.
К смерти теперь я иду.

Текст «Вюрцбургской пляски смерти» разошелся сотнями списков сначала по Германии, а вскоре – по другим странам (хотя церковь его вовсе не одобряла – как, впрочем, и «Декамерон»).

Сказ о трех живых и трех мертвецах – миниатюра из Псалтыря Бонны Люксембургской, 1348–1349 гг.

Бернт Нотке, «Таллинская пляска смерти», холст, темпера, 1475–1499 гг., Церковь св. Николая, Таллин

Понятна нелюбовь священников к «Декамерону», в котором много говорилось о плотских радостях, а вот отторжение церковью «Пляски смерти» на первый взгляд кажется странным – разве плохо напомнить грешнику о краткости жизни и необходимости каждую ее минуту творить благие дела, чтобы облегчить свою загробную судьбу? Но дело в том, что, хотя часть текста и призывала к покаянию, его основным посылом было монотонное напоминание каждому о неизбежном вхождении в хоровод Смерти. Вот такой, к примеру, вела Смерть диалог с Папой:

Папа:
Земная жизнь так коротка.
Не ведал страха я, пока
Его святейшеством я был,
Но ныне смертный час пробил.
Смерть:
Ах, папа, вслушайтесь в мотив,
Пляшите, жизнь свою забыв.
Приказы ваши здесь не в счет,
Вам флейта песню пропоет.

Более того, в одном из куплетов устами монахини произносилось: «К чему молиться?»

В 1375 году, как раз во время очередной эпидемии, поразившей Францию, французский поэт Жан Ле Февр перевел латинскую версию «Пляски» на старофранцузский, убрав из нее одних персонажей и добавив других. В частности, в этой версии появились судья, магистр, ростовщик, монах-картезианец, жонглер и щеголь.

Вероятно, именно текст Ле Февра использовал неизвестный французский художник, создавший в 1424 году первую монументальную «Пляску смерти» под сводами галереи парижского кладбища Невинноубиенных младенцев.

Трудно было подобрать для этой фрески более подходящее место – стены галереи были буквально выложены костями давних мертвецов, смерть и с большой, и с маленькой буквы являла себя любому живому во всей скалящейся наглядности. Время для создания росписи тоже было подходящим – совсем недавно на кладбище упокоились почти 50 000 жертв чумы 1418 года.

Йохан Хейзинга описал это место так: «В этом странном, «макабрском» месте, каковое представляло собой кладбище Невинноубиенных младенцев, тысячи людей изо дня в день видели незамысловатые фигуры, рассматривали их, читали простые и доходчивые стихи, где каждая строфа

Буонамико Буффальмакко, «Триумф смерти», кладбище Кампо-Санто, Пиза, 1355 г.

оканчивалась всем известной пословицей, и трепетали перед неминуемой кончиной, утешая себя тем, что все они равны пред лицом Смерти. Нигде эта смахивающая на обезьяну Смерть не могла быть более к месту: осклабленная, передвигающаяся неверными шажками старенького учителя танцев и увлекающая за собой Папу, императора, рыцаря, поденщика, монаха, малое дитя, шута, а за ними – все прочие сословия и ремесла».

К сожалению, эти фрески погибли в 1787 году при сносе кладбища – остались лишь гравюры, позволяющие предположить, что вдохновлялся художник именно переводом Ле Февра.

Во время оккупации Парижа англичанами, эта «Пляска смерти» была скопирована неким монахом – и уже в 1440 году ее версия появилась в Лондоне, на кладбищенской стене монастыря св. Павла.

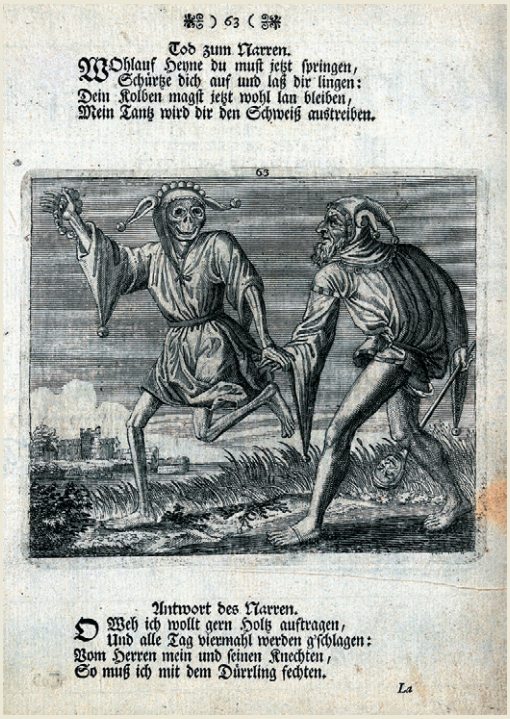
Вскоре изображения хороводов мертвецов появились по всей Европе – как в виде фресок, так и гравюр-лубков, дополненных разными вариантами текста «Пляски».

Изображения «Пляски» церковь тоже не полюбила – победоносная смерть подрывала саму формулу спасения «никто не бойся смерти», а танцующие скелеты отнимали у мирянина веру в то, что после Страшного суда все поднимутся и облекутся плотью – но ничего поделать с модой на макабрические картинки не могла.

Тогда священнослужители выбрали разумное решение – если что-то не можешь победить, надо это возглавить – и «Пляски смерти» (с усиленной темой покаяния в сопроводительных текстах) стали появляться в церквях.

К примеру, в Базеле было создано целых две пляски – Большая (около 1440 года, на фасаде

Мастер «Триумфа смерти», фреска в палаццо Склафани, Палермо, 1446 г.



Смерть и шут, гравюра XVIII века, копирующая фрагмент Большой базельской «Пляски смерти»

доминиканского монастыря) и Малая (примерно десятью годами позже, в крытой галерее в женском монастыре Клингенталь).

Одной из самых впечатляющих некогда была «Любекская пляска» – непрерывный тридцатиметровый фриз, украшавший Мариенкирхе в Любеке (и устрашавший ее прихожан). Считается, что его автором был живописец и скульптор Бернд Нотке, изобразивший на своем полотне (а это именно живопись по холсту, а не по стене) череду из двадцати четырех человек – от императора до крестьянина – уходящих в небытие в компании пританцовывающих скелетов. Вероятно, поводом для этого заказа послужила очередная вспышка черной смерти.

К сожалению, «Любекская пляска» из-за плохой сохранности в 1701 году была заменена копией, которая погибла во время бомбардировки 1942 года, но мы можем судить о ней по фотографиям и значительно меньшей версии, исполненной Нотке для Церкви св. Николая в Таллине.

Картина была снабжена репликами Проповедника, призывающего к благочестивой жизни, и Смерти, напоминающей, что как бы ты не жил, а пляски с ней тебе не избежать:

Брейгель Старший, «Триумф смерти», 1562 г., дерево, масло, музей Прадо, Мадрид, Испания

Я приглашаю к этому танцу всех:
Папу, императора и все создания –
Богатого, бедного, большого и малого.
Подходите и не грустите!
Думают всегда во все времена,
Что если добрые дела имеешь за душой,
То сразу будут грехи покрыты.
Но вы должны плясать под мою дудку!

Грандиозна когда-то была и «Пляска смерти», написанная в 1484 году в берлинской Мариенкирхе. Увы, сейчас она почти исчезла и понять, что именно на ней изображено можно только благодаря поздним копиям.

Порой сюжет «Пляски» заменялся «Беседой» или даже игрой со Смертью. Такую фреску мы можем видеть в шведской церкви Тебю (кстати, эта фреска подсказала режиссеру Ингвару Бергману сюжет фильма «Седьмая печать»).

В Италии вместо «Пляски смерти» чаще писали «Триумф смерти»: не Смерть – распорядитель мрачного танца, а Смерть – охотник, Смерть – мрачный жнец, собирающий свою страшную жатву.

Одна из самых ранних фресок на эту тему опередила даже Великую чуму – она появилась в Пизе в 1336 году, и ее сюжет (в котором очень много светскости и довольно мало ужасов) явно базировался на «Легенде о трех мертвецах».

Значительно больше пугает созданный веком позже палермский «Триумф смерти». Как и фреска Кампосанто, он чрезвычайно гламурен, практически вся его правая часть отведена нарядным кавалерам и дамам – музицирующим и беседующим возле фонтана в то время, когда на них во весь опор несется Смерть, вооруженная луком и стрелами, и копыта ее костлявого коня уже топчут тела королей, епископов и кардиналов.

Впрочем, иногда итальянские художники совмещали оба действа, как на росписи в Клузоне (Бергамо), где под композицией с торжествующей Смертью-триумфатором идет фриз с танцем.

Удивительно, но, пожалуй, самый знаменитый «Триумф смерти» был создан вовсе не итальянцем, а фламандцем – великим Питером Брейгелем Старшим, гениально соединившим мрачные мотивы Босха, грубоватое очарование

Ганс Гольбейн Мл., <Смерть и крестьянин>, гравюра на дереве из цикла <Пляска смерти>

Ганс Гольбейн Мл., «Смерть и ученый», гравюра на дереве из цикла «Пляска смерти»

Ганс Гольбейн Мл., «Смерть и императрица», гравюра на дереве из цикла «Пляска смерти»

народного лубка и горькую иронию итальянских интеллектуалов, сокрушающихся о краткости жизни. Впрочем, Брейгель провел в Италии достаточно времени, чтобы внимательно изучить

Ганс Макарт, «Влюбленные и Смерть», ок. 1850 г.

местные «Триумфы», бывшие тогда в куда лучшем состоянии.

Пространство этой картины заполнено воинством Смерти, методично и страшно теснящим и истребляющим живых. Костлявая армия не щадит никого, мужчины и женщины, старики и дети, бедняки и богачи гибнут множеством разных способов или, сбитые в плотную толпу, направляются прямиком в огромный гроб. Лишь в нижнем правом углу картины находятся несколько смельчаков, пытающихся сопротивляться смерти: вояки-ландскнехты в своих прорезных нарядах и молодой щеголь, только что пировавший за круглым столом. К его напуганным подругам уже подступили скелеты – один обнимает девицу в красном наряде, другой, с глумливым поклоном, предлагает даме в высоком старомодном головном уборе череп на серебряном блюде. И только парочка влюбленных продолжает любезничать и музицировать, не замечая творящегося безумия…

Чрезвычайно популярны были и гравюры на тему «Пляски» и «Триумфа». Они печатались как дешевыми листами для продажи на ярмарках простому люду, так и папками, и книжными иллюстрациями – для эстетов. Порой над ними работали весьма известные художники. К примеру, одна из «Плясок смерти» вышла из ма-

Густав-Адольф Спангенберг, «Пляска смерти», холст, масло, 1876 г., Старая пинакотека, Берлин

стерской учителя Альбрехта Дюрера Михеля Вольгемута (а порой высказывается мнение, что конкретно эту гравюру мог создать и сам молодой Дюрер).

Но, конечно, гораздо лучше известен графический цикл, созданный в 1524–1526 гг. великим Гансом Гольбейном Младшим (который, кстати, сам станет жертвой очередной эпидемии чумы). Гольбейн с немецкой обстоятельностью ведет историю от не знавшего смерти Эдемского сада, через грехопадение Адама и Евы к привычному «кто бы ты ни был – ты умрешь», разыгранному со священниками и мирянами, дворянами и простолюдинами, мужчинами и женщинами. Впрочем, стоит отметить, что к людям бедным гольбейновская Смерть милосерднее, чем к богатым.

Именно гольбейновской «Пляской» и брейгелевским «Триумфом» искусствоведы нередко завершают обозрение «общения человека со смертью» в изобразительном искусстве и изрядно при этом лукавят, потому что стоит случиться войне, голоду, революции или эпидемии – и Смерть-распорядитель бала, Смерть-шут, Смерть-шахматист, Смерть-охотник вновь возвращается на холсты, гравюры, книжные и нотные страницы.

Эпиграфом к этому тексту был первый куплет старинной «Пляски смерти», написанной в XV – начале XVI века неизвестным итальянским поэтом. В 1977 году итальянский певец и композитор Анджело Брандуарди воскресил

Альбин Эггер-Линц, «Пляска смерти», 1908–1909 гг., Бельведер, Вена

эту жутковатую вещь, превратив ее в «Танец в фа-диез миноре». Старинный текст он, убрав анахронизмы, в целом сохранил, но дополнил новым куплетом, в котором человек берет на себя смелость дать Смерти ответ:

Неслыханная честь, невиданная милость,
Что ты на праздник к нам сама явилась.
Летит за кругом круг, и покуда танец длится,
Ты одна из нас – ты не царица.

Анджело Брандуарди
в свободном переводе М. Богдановой.